

уступилъ мнѣнію, что младенчество имѣетъ свои упрямства, и слѣдовалъ за Ремирою, не смотря на солнечный жаръ, которымъ сожигались оба. Она показывала ему свои цвѣты, рассказывала объ оныхъ исторію, и казалось, что она тѣ за превозходнѣйшіе почитала, которые ей большаго труда стояли. Примѣняя, что Омаръ не могъ больше ходить отъ усталости, отвела его подъ пальмовыя деревья. Вотъ теперь мы здѣсь, говорила она ему, какъ тебѣ кажется подъ сею тѣнью? Скажи мнѣ, Омаръ, небольшое препятствіе, которое ты почувствовалъ къ наслажденію, не умножаетъ ли твоего удовольствія? Безспорно такъ, сказалъ Омаръ убѣдительнымъ голосомъ, и я вѣрю, прекрасная Ремира. ... Приходъ Абуденка прервалъ ихъ разглазольствіе. Философъ усмѣхался, примѣняя въ себѣ довольный видъ. Молодой человѣкъ признался, что покой послѣ трудовъ кажется пріятнымъ. Изрядно, говорилъ философъ! продолжай Омаръ, и научися наслаждаться. Какъ вскричалъ Омаръ! мои богатства, жены, содружество, все вмѣстѣ столько было бы для меня прелестно, сколько сія тѣнь въ мою минушу? Я о томъ не сомнѣваюсь, мой другъ, говорилъ ему мудрецъ, когда ты поспѣешь нашимъ совѣтамъ. Волѣнь себя рызущая есть обыкновенная богачамъ, но на излѣчится.

Если ты говоришь истинну, прервалъ Омаръ, если ты надо мною не смѣешься, то научи же меня, какъ я долженъ поступать?